

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И РЕЦЕПЦИЯ

Литературный факт.
2024. № 2 (32)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (32), 2024

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-263-291>
<https://elibrary.ru/JYDBZN>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Шмелев в СССР

(Статья первая: издания и рецепция в довоенный период)

© 2024, Д.Д. Николаев

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается литературно-критическая и публицистическая рецепция творчества И.С. Шмелева в СССР, а также история публикации и творческого переосмысления его произведений в довоенный период. Анализируются статьи, очерки и рецензии, опубликованные в газетах «Правда», «Известия», «Литературная газета», журналах «Печать и революция», «Красная новь», «Бюллетень книги», «Прожектор» и т. д., сборниках произведений Шмелева, посвященные ему фрагменты в «историях русской литературы» В.Л. Львова-Рогачевского, В.Е. Евгеньева-Максимова, Б.В. Михайловского, иные упоминания писателя в центральной советской прессе. Показывается, что Шмелева достаточно активно издавали до 1929 г., несмотря на резкую позицию, занятую писателем в эмиграции. Негативные отзывы, которые начали появляться в СССР после публикации эпопеи «Солнце мертвых», не означали вычеркивания имени Шмелева из истории литературы и из современного литературного процесса. Он по-прежнему воспринимается в СССР как один из наиболее значительных русских писателей и даже входит в учебную программу университетов и педагогических вузов.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, рецепция, литературная критика, литературоведение, публицистика, Б.В. Михайловский, В.Л. Львов-Рогачевский.

Информация об авторе: Дмитрий Дмитриевич Николаев — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>

E-mail: ddnikolaev@mail.ru

Для цитирования: Николаев Д.Д. Шмелев в СССР. (Статья первая: издания и рецепция в довоенный период) // Литературный факт. 2024. № 2 (32). С. 263–291. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-263-291>

Название статьи — «Шмелев в СССР» — позволяет четко обозначить не только хронологические, но и концептуальные границы исследования. За его пределами остается пребывание И.С. Шмелева в Советской России, которого мы отчасти уже касались в статье об оценках его творчества русской критикой начала 1920-х гг. [5].

Отъезд писателя за границу практически совпадает по времени с созданием СССР: он уехал в ноябре 1922 г. О том, что писатель находится в Берлине, сообщается в десятом номере берлинского журнала «Новая русская книга»¹. 17 января 1923 г. Шмелев приезжает в Париж. С февраля 1923 г. он сотрудничает в газете «Звено», где 19 февраля публикуется рассказ «Музыкальное утро» (с подзаголовком «Из Крымских рассказов»), а в апреле, июне и июле — фрагменты из книги «Солнце мертвых» — «Утро», «Волчье логово» и «Человечий голос». В четырнадцатом номере парижского журнала «Современные записки» печатается рассказ Шмелева «Чужой крови».

Таким образом, нам предстоит проанализировать восприятие Шмелева на родине уже после того, как он ее покинул. Причем надо сразу отметить, что отъезд из России не превращал уехавшего автоматически в эмигранта. Спустя несколько лет, в 1926 г., Н. Смирнов утверждал, что «Шмелев, как и Зайцев, уехал за границу с советской командировкой и на советские деньги». И хотя, по словам Смирнова, «он очень быстро, на пограничном рубеже, сбросил маску обещаний», публикации в советской прессе показывают, что в СССР значительно позже узнали, «какое судорожно-искаженное, какое злобное лицо обнаружилось под этой маской!»².

Разумеется, в рамках одной статьи невозможно рассмотреть все издания Шмелева и все публикации о нём — выделяются ключевые этапы литературно-критической и публицистической рецепции. И это этапы, связанные именно с эмигрантским «статусом» писателя и его влиянием на оценку творчества Шмелева, а не с интерпретацией творчества Шмелева как такового — об этом написаны истории вопроса в диссертационных исследованиях, в частности, у Е.А. Осьминой [6].

Речь идет не только о рецепции: на первом месте стоит само присутствие в СССР произведений Шмелева, издание новых книг и доступность прежних, а также культурное «освоение» шмелев-

¹ Новая русская книга. 1922. № 10. С. 38.

² Смирнов Н. На том берегу: Заметки об эмигрантской литературе // Новый мир. 1926. № 6. С. 146.

ских текстов — в экранизациях, инсценировках и т. д. И, наконец, третья составляющая — исследовательское, научное осмысление творчества Шмелева, предполагающее его включенность в историю русской литературы, в том числе доступность для изучения, обязательность или нет для обучения, если речь идет о подготовке специалистов-филологов.

В истории публикации и рецепции Шмелева в СССР следует выделить три периода: первый — с отъезда Шмелева до начала Великой Отечественной войны, второй — послевоенный — до начала 1980-х гг. и третий, связанный с перестройкой и тем, что в связи с ней и за ней последовало.

В данной статье рассматривается первый из выделенных периодов. Если говорить об издании книг и публикации произведений Шмелева, то его можно, в свою очередь, разделить на три части. В 1923 г. в СССР выходит большое, если не сказать огромное, количество книг Шмелева, а он, только что уехавший, фактически еще не воспринимается ни издателями, ни читателями как эмигрант.

В конце 1922 г. издательство «Новая Москва» в «Библиотеке современников» под редакцией Н.С. Ангарского (Клестова) выпускает «Гражданина Уклейкина». Рекламное объявление, где сказано о поступлении книги в продажу, а заодно и анонсирован выход литературно-художественного сборника «Недра» с участием Шмелева (под редакцией все того же Ангарского), печатается на страницах газеты «Правда» уже после того, как Шмелев оказывается в Берлине, — 16 декабря 1922 г.³

В 1923 г. издаются сборники Шмелева «Догоним солнце» (Книгоиздательство писателей в Москве), «К светлой цели: 1-й сборник рассказов» и «Виноград» (Москва; Петроград: Книга), «Они и мы» (Москва; Петроград: Госиздат), повесть «В новую жизнь» (Книгоиздательство писателей в Москве), отдельными книжками в Москве в издательстве «Земля и фабрика» выходят рассказы «Липа и пальма», «Одной дорогой», «Последний выстрел». Последние три тоже рекламируются в «Правде» вместе с другими «зифовскими» изданиями и в списке книг серии «Библиотека подрастающего поколения» стоят в феврале 1924 г. на первом месте⁴.

В девятом номере журнала «Россия» в 1923 г. появляется сказка Шмелева «Сладкий мужик»⁵, а в первом сборнике «Недра» — «Это

³ Правда. 1922. 16 декабря. № 285. С. 6.

⁴ Правда. 1924. 17 февраля. № 39. С. 8.

⁵ Россия. 1923. № 9. С. 1–2.

было. Рассказ странного человека». Значится Шмелев и в числе сотрудников двухнедельного художественно-иллюстрированного и литературного журнала «Петроград»⁶.

Госиздат выпускает в 1923 г. третье издание повести «В новую жизнь» и рассказ «Рваный барин», издательство «Новая Москва» в серии «Библиотека современников» — сборник «Гражданин Уклейкин: Рассказы», куда также вошли «Забавное приключение», «На большой дороге» и «Ненастье». Сразу несколько сборников выходит в издательстве «Книга» — это «Виноград», включивший помимо титульного произведения «Распад» и «Волчий пережат», «К светлой цели: 1-й сборник рассказов» и «Сборник рассказов», включивший «Письмо без марки и штемпеля», «Пряник», «Полочку» и «К солнцу» — в «Библиотеке молодой России» под редакцией И.В. Владиславлева.

Надо обратить внимание не только на количество книг, но и на количество и разнообразие включенных в них произведений. В течение года выходят рассказы Шмелева и 1900-х, и 1910-х гг. Кроме того, среди изданий — много книг для детей. Книгоиздательство писателей в Москве выпускает драматическую сказку Шмелева «Догоним солнце», Государственное издательство — «Они и мы: Рассказы для детей», включившие «Мой “Марс”» и «Мэри». Сразу несколько выпусков серии «Библиотека подрастающего поколения» издательства «Земля и фабрика» отведены под Шмелева: это «Липа и пальма», «Одной дорогой», «Последний выстрел».

1925–1928 гг. — время, когда Шмелева продолжают печатать в СССР, пусть и не с такой интенсивностью, как в 1923 г. Созданные уже в эмиграции произведения Шмелева внимания издателей не привлекают, но дело не в его антисоветской позиции — доказательство тому, к примеру, выходящие в эти годы в Москве и Ленинграде многочисленные книги А.Т. Аверченко или перепечатки эмигрантских рассказов Н.А. Тэффи. Просто у Шмелева нет ни идеологического — с точки зрения саморазоблачения «язв эмиграции», ни достаточного коммерческого потенциала.

В 1925 и 1926 гг. произведения Шмелева включаются в антологии рассказов разных писателей, которые составляет для издательства «Молодая гвардия» И.С. Рабинович, — «В “мальчиках”» («Библиотека молодого рабочего. Дети труда и борьбы») и «Строители» («Серия производственных сборников. “Рабочий в мировой литературе”»). Отметим, что Шмелев в этих книгах — единственный эми-

⁶ См.: Известия. 1923. 12 мая. № 104. С. 8.

грант среди авторов, если таковым не считать Горького. А рассказ «Иван Кузьмич» входит в сборник «1905 год в русской литературе» (М.; Л.: Изд. Ал. Богданов, 1926), где представлен целый ряд писателей-эмигрантов. В 1926 г. в Ленинграде в «Библиотеке для всех» (№ 94–100) издательства «Прибой» в очередной раз переиздается «Человек из ресторана».

Самые значительные «советские» сборники Шмелева в межвоенный период появляются в 1927 и 1928 гг. В книгу «Забавное приключение: Рассказы», выпущенную в 1927 г. Госиздатом тиражом 4000 экземпляров, вошли «Волчий перехват», «Виноград», «Поденка», «Друзья», «Гости», «Слепые», «Три часа», «Лихой кровельщик» и «Забавное приключение». Этот сборник примечателен тем, что в нем, помимо произведений Шмелева, есть статья Г. Горбачева «Реалистическая проза 1910-х гг. и творчество Ив. Шмелева» (к ней мы вернемся позже) и даже отдельно вынесенная в оглавление страничка «Литература о творчестве И.С. Шмелева», в которой, правда, всего три позиции: «Рабочий класс и русская литература» И.Н. Кубикова (Ивано-Вознесенск: Основа, 1924), «Новейшая русская литература» В. Львова-Рогачевского и статья Н. Смирнова «Солнце мертвых» в журнале «Красная новь».

А в 1928 г. объемный (327 страниц) том Шмелева тиражом 5000 экземпляров выпускает «Земля и фабрика». В него кроме давшей книге название «Стены» вошли также «Распад», «Гражданин Уклейкин» и предисловие, подписанное инициалами «Л.К.»

Наконец, отдельно следует выделить 1929 г. Это связано с тем, что после 1928 г. на издание в СССР писателей-эмигрантов был фактически наложен запрет. Тем не менее, в 1929 г. появляются две книги Шмелева. Почему для них сделано исключение? «К солнцу» Шмелева Государственное издательство публикует для детей среднего возраста с указанием «сокращено и обработано». Здесь на первый план выносятся не текст, а оформление и иллюстрации К.В. Кузнецова. Вторую книгу — «Человек из ресторана» — выпускает «Прибой». Это переиздание мы связываем с экранизацией — фильмом Якова Протазанова «Человек из ресторана», который вышел на экраны в 1927 г., когда издание произведений эмигрантов еще не запретили. Ставить цензурную преграду на пути выхода книги, когда в советском культурном пространстве присутствует более массовый с точки зрения аудитории кинофильм, не имело смысла.

Что касается «культурного освоения» шмелевских текстов, то наряду с «Человеком из ресторана» Протазанова выделим не столь значимое с точки зрения художественной, но важное с точки зрения

хронологии издание 1930 г. В выпущенной отдельной книгой пьесе в 4-х действиях Ю.В. Болотова «Российский анекдот» Шмелев тоже значится на титульном листе, где указано: «По повести Шмелева “Гражданин Уклеикин”»⁷.

Останавливаться подробнее на пьесе не будем — о ней есть статья С.В. Шешуновой «Иван Шмелев как революционный агитатор (по поводу одной инсценировки)» [7]. Отметим лишь, что и фильм, и пьеса достаточно далеко отходят от текстов Шмелева, но в данном случае важно, что они содержат отсылки к его произведениям, которые сравнительно недавно переизданы по новой орфографии и доступны для читателей (как и остающиеся в библиотеках дореволюционные издания).

Издаваемый в 1923–1929 гг. круг текстов Шмелева не включает ключевые его произведения, созданные в эти годы в эмиграции, но в критических высказываниях о творчестве писателя они учитываются. Хотя тональность оценок в большей степени определяется не содержанием конкретных новых произведений, а самим эмигрантским статусом Шмелева и занятой им общественной позицией — с одной стороны, и сложившейся уже традицией рецепции творчества — с другой.

В 1923 г. в советской печати продолжают появляться положительные отклики на его произведения. И если рецензия Юрия Соболева на изданную «Задругой» в 1922 г. «Неупиваемую Чашу» была опубликована в журнале «Печать и революция» в самом начале года (№ 1. Январь. С. 224–225), т. е. когда о новом, эмигрантском статусе Шмелева еще мало кто знал, то про «Это было» Соболев писал уже в марте. И ставил «Рассказ странного человека» Шмелева выше опубликованных в том же сборнике «Недр» произведений В. Вересаева, М. Герасимова, В. Кириллова, М. Козырева, С. Клычкова, А. Яковлева, П. Радимова, Н. Тихонова и др.

«Лучшая вещь сборника, конечно, рассказ Ив. Шмелева “Это было” — жуткий, я не знаю как назвать, бред или кошмар, рисующий страшный, почти фантазмагоричный эпизод войны, — подчеркивал Соболев в статье “Об альманахах”. — В обычной для Шмелева манере очень тускло наложенных красок ведется повествование

⁷ Болотов Ю.В. Российский анекдот: Пьеса в 4 действ / По повести Шмелева «Гражданин Уклеикин». [Москва]: Теакинопечать, 1930. 67 с.

в форме как бы записок того офицера, которому пришлось стать героем этого необычного приключения»⁸.

Соболев в 1923 г. вообще пишет о Шмелеве много — еще две рецензии публикуются в журнале «Печать и революция» в июне–июле (№ 4. С. 271–272) и августе–сентябре (№ 5. С. 294–296). В первой речь идет о повести «Служители правды», выпущенной Госиздатом, во второй — формально о книге «Виноград», но фактически — еще и о переизданиях Шмелева в целом. Начинается она с того, что Шмелева «начали усердно переиздавать», так что «до современного читателя доходит этот крепкий и сильный писатель и в прежнем, и <в> теперешнем своем облиции».

В этой рецензии Соболева нужно выделить два важных положения. Во-первых, он ставит новые, пореволюционные произведения Шмелева выше прежних, отмечая, что «как художник, как мастер и, главным образом, мастер, владеющий в совершенстве языком, — Шмелев в последних своих произведениях (“Неупиваемая чаша” и “Это было”) чрезвычайно убедительно доказывает органический рост дарования, еще неясные контуры которого намечались в ранних его вещах». Во-вторых, подчеркивает, что читатель «теперешнего Шмелева должен принять как бы сквозь призму прежнего», поскольку «Гражданин Уклеikin», «Распад» и т. д. слагают «глубоко правдивую, художественно яркую и социально верную картину разложения целого класса» и «являются для историка русской общественности документом первостепенной важности» (С. 294).

Идея художественного текста как документа позволяет «отделить» созданные до эмиграции произведения писателя от его сегодняшней политической позиции, поскольку в документе зафиксированная в момент его создания действительность рассматривается как объективное отражение. В дальнейшем, характеризуя эмигрантское творчество Шмелева, критики будут, напротив, делать акцент на позиции автора, которая, впрочем, также чаще всего трактуется как «объективное» отражение, но не действительности, а антисоветской и антинародной сущности эмиграции.

Пять заметок о новых изданиях произведений Шмелева были опубликованы с января по октябрь 1923 г. в ежемесячном журнале «Бюллетень книги», выходившем под редакцией Ст.С. Кривцова в качестве печатного органа Главполитпросвета. Рецензировались «Виноград» (№ 1/2. Стлб. 10–12), «Неупиваемая Чаша» (№ 3. Стлб. 41), «Гражданин Уклеikin» (№ 4. Стлб. 32), «Одной дорогой»

⁸ Россия. 1923. № 7. Март. С. 29.

(№ 4. Стлб. 32–33), «Они и мы» (№ 9/10. Стлб. 88). И все они были рекомендованы для приобретения библиотекам.

«Книга Шмелева должна, конечно, найти себе место во всех библиотеках. следовало бы собранные в одной книге три разнородные рассказа издать в отдельности для более целесообразного их использования», — писали в журнале про «Виноград». «Книга Шмелева, вдумчиво и художественно запечатлевшая пережитое, необходима во всех библиотеках», — так рекомендовался «Гражданин Уклеikin». «В читателе же религиозно настроенном “житие” может укрепить его мистицизм, — в этом будет, конечно, его отрицательное значение», — отмечал рецензент «Неупиваемой Чаши», но затем следовало заключение: «Книгу следует иметь в центральных библиотеках».

Обратим внимание на модальность: «должна», «следует», «необходима». Рассказ «Одной дорогой» объявлялся «прекрасным материалом для детского чтения»: «Не “жалостливый”, как обычно это бывает, он заставляет задумываться в эту убогую и бесконечно богатую запасом сил жизнь». Про книгу «Они и мы» журнал писал: «Рассказы написаны художественно и увлекательно. Пригодны для детей старшего возраста, преимущественно городских. <...> Очень рекомендуется для приобретения в детских библиотеках».

В рецензиях отмечалась не только художественность произведений Шмелева, но их идеологическое соответствие советским установкам: «Гражданин Уклеikin» «дает переживания полупролетарских слоев 1905 г.»; «В рассказе “Забавное приключение” хорошо передано нарастающее раздражение против буржуазии под влиянием войны в атмосфере 1916 г. (издательства лесника и солдата над заводчиком)». О «Неупиваемой Чаше» критик писал: «Эта повесть — сказ о жизни крепостного художника-иконописца с его наивной верой в русского бога как защитника угнетенных, с его мечтой послужить убогой родине своим искусством. На ярком фоне крепостного произвола проходит перед читателем его детство, учение, сначала у “богомаза”, потом за границей, личная драма — увлечение женой помещика и в результате списанная с нее икона богородицы “Неупиваемая Чаша”, будто бы получающая силу творить чудеса». А в рецензии на сборник «Виноград» отмечалось, что в рассказе «Распад» «единственный сын неожиданно для всех становится революционером».

Шмелева не просто хвалят в 1923 г., его противопоставляют писателям-эмигрантам. В начале «Литературных заметок», опубликованных в газете «Известия» 8 мая 1923 г., Н. Смирнов отмечает,

что «под шквалом революции обнажились подпочвенные родники классовости, из которых черпал “вдохновение” “межклассовый” писатель Иван Бунин — лучший из предреволюционных писателей — в своей новой повести (“Гибель”), отрывками печатаемой в милюковской газете (“Звено”), доказывает это нагляднейшим образом». Далее в этом ряду называются Борис Зайцев — «один из тончайших современных лириков», который теперь «печатает публицистические статьи в эсеровском журнале», и Александр Куприн, сотрудничающий в «погромных газетах». Шмелев же отделен от выстроенного эмигрантского ряда артелью писателей «Круг», и творчество его, которому посвящена заключительная часть «заметок», оценивается в ином ключе: «Ив. Шмелев — большой художник. Это он доказал еще первыми своими вещами “Под небом”, “Весенним шумом” и т. д. Это же подтверждается и его позднейшими трудами: “Неупиваемой Чашей” и помещенным в альманахе “Недра” рассказом “Это было”». Смирнов подчеркивает, что «Это было» — «насквозь психологический (а значит, и особенно трудный) рассказ», который «написан с поразительной глубиной, глубокой лиричностью и тонкостью рисунка», а стиль Шмелева — «вместе с Ал. Толстым — лучший образец для современного беллетриста»⁹.

В статье Н. Чужака «По новейшей литературе», опубликованной в «Известиях» 8 августа и посвященной первым двум выпускам сборника «Недра», Шмелев тоже критикуется не как эмигрант, а как один из представителей «типичной литературы бывших людей»: «Не каких-нибудь заядлых контрреволюционеров или пакостников эсэро-белогвардейского толка, а седовласых людей в крылатках, в стиле энеса или марксиста-ликвидатора, привыкших к постоянно почетному углу в каком-нибудь этаком “Русском богатстве”, “Современном мире”, загнанных прямолинейной революцией в “тупик” и старчески недоумевающих» (№ 191. С. 5).

Перемена в оценках происходит в конце 1923 г. — в связи с публикацией «Солнца мертвых». В пятом номере журнала «Печать и революция» Юрий Соболев отмечал, что значение Шмелева «очень велико», писал о его «чуткой наблюдательности» и «огромной выразительности» (С. 294, 295). А в следующем номере, за октябрь–ноябрь, «Печать и революция» помещает большой отзыв И.А. Аксенова на второй выпуск парижского литературного «трехмесячника» «Окно». И Аксенов утверждает, что Шмелеву «не

⁹ Смирнов Н. Литературные заметки // Известия. 1923. 8 мая. № 100. С. 3.

интересна действительность», а «своим сожителям по аквариуму он привез из СССР новый запас писательской ненависти» (№ 6. С. 257).

Несмотря на то, что отзыв печатается среди рецензий, его точнее было бы назвать фельетоном. Эмигранты сравниваются с лягушками, головастиками и т. д., а «Окно» — с аквариумом: «Сначала они просто дичают, потом из позвоночных переходят в черепокожих (насекомых), потом — в слизняков и так далее до амёбы и через разложение протоплазмы восходят к Мережковскому. Можно поблагодарить издателей “Окна” — в их аквариуме подобрана достаточно полная коллекция по данному опыту» (С. 255).

Надо сказать, что в выстраиваемой Аксеновым «антииерархии» Шмелев достаточно далек от «самого дна», на котором помещаются «философы» — Д. Мережковский и Л. Шестов. За ними следуют З. Гиппиус, И. Бунин, Е. Трубецкой — и лишь затем Шмелев: «Этот попал в банку сравнительно недавно и усиленно пускает пузыри» (С. 256). Но с точки зрения идеологической, Шмелев получает оценку крайне резкую, причем ему приписывается и авторство очерка И.Д. Сургучева «Большевики в Ставрополе», так что именно Шмелев предстает в итоге создателем «самых остервенелых противосоветских агиток в белой литературе»: «Шмелеву не интересна действительность. Он весь в ненависти к “тупорылому красноармейцу” и к тем, кто пришел с ним. Большой ненависти к “красной звезде” вы не найдете ни у одного зарубежника» (С. 256, 257).

Выступление Аксенова можно считать крайней негативной точкой в отношении к Шмелеву в СССР, своего рода апофеозом отрицания (или утверждения его «противосоветской» сущности). В дальнейшем происходит постепенное смягчение оценок (даже если они являются сугубо отрицательными), несмотря на то, что после выступления Шмелева в Париже на вечере «Миссия русской эмиграции» 16 февраля 1924 г. его в СССР причисляют еще и к числу монархистов.

25 марта 1924 г. в газете «Известия» печатается передовая статья Ю. Стеклова под названием «Весенние мотивы». Обличая монархическую эмиграцию, редактор «Известий», в частности, пишет: «Огромная часть бывших кадетов, октябристов, националистов определенно перешла в ряды монархической партии. Даже такие элементы, как бывший социал-демократ Алексинский, бывший народоволец Бурцев, писатели: Бунин, Куприн, Шмелев — и те сейчас работают вкупе с монархистами»¹⁰.

¹⁰ Стеков Ю. Весенние мотивы // Известия. 1924. 25 марта. № 69. С. 1.

Обличался Шмелев и в статье Н. Смирнова «Маскарад мертвецов», опубликованной в «Известиях» 16 марта 1924 г. (она была подписана инициалами «Н.С.»). Причем текстов выступлений участников вечера «Миссия русской эмиграции» в распоряжении советских критиков и публицистов не было, и ориентировались они прежде всего на отчет о вечере в парижской газете «Последние новости» и опубликованную там же передовую статью П.Н. Милюкова, где содержание выступлений трактовалось в полемически-тенденциозном ключе [4]. Смирнов саркастически писал о «той миссии», о которой говорили «крупнейшие предреволюционные писатели» — Бунин, Мережковский и Шмелев: «Первые два — старые белогвардейцы: Мережковский уже пять лет мечтает о железном шлеме “крестonosца”. Бунин редактировал в Крыму газету деникинского “Освага”, приветствуя воинственных галлов позорнейшими виршами, но третий — Шмелев — “приобщился” к чаше белого “подвижничества” только в прошлом году и до отъезда за границу печатался в наших издательствах». В отличие от Мережковского и Бунина, Шмелев для Смирнова — «не крепостник, а народник», для которого народ — «сахарная бонбоньерка», «крылатый серафим», «религиозный золотоискатель», «миллионно-ликий Платон Каратаев». Идеализируя народ, Шмелев во всех бедах винит интеллигенцию, несущую «дух злобы и разрушения»¹¹.

В том же 1924 г. в третьем номере журнала «Красная новь» (апрель–май) появилась большая статья Н. Смирнова под названием «Солнце мертвых: Заметки об эмигрантской литературе» (С. 250–267). Но хотя Смирнов и использовал в заглавии название эпопеи Шмелева, сказано о нем в статье гораздо меньше, чем о Буinine. Правда, слова говорятся не менее резкие:

Не приходится жалеть и об остальных, угасающих и угасших в эмиграции писателях. А наиболее талантливым среди них следует признать Шмелева, только в прошлом году эмигрировавшего за границу. В тех же сборниках «Окно» печатается его эпопея — название («Солнце мертвых») мы выписали как заголовок наших заметок — о голодных днях, пережитых Крымом в 1920–1921 годах. Приходится сознаться: в смысле чисто художественном эпопея, особенно в местах внутренне-субъективных, написана хорошо: есть в ней какая-то органическая лиричность, озаряющая ее тихим

¹¹ Н.С. [Смирнов Н.] Маскарад мертвецов // Известия. 1924. 16 марта. № 63. С. 3.

светом осени, но в целом это — погромная, мстительнейшей злобой пылающая, вещь. <...>

Злоба, обнявшаяся с бессмертной глупостью, и глупость, поддерживаемая искусственной близорукостью, ведут автора, замаскированного в пропахший йодоформом халат, по крымским горам и ущельям, показывая ему какую-то апокалипсическую страну, где умирает все сущее: и люди — грустный татарин и его прекрасная, как Шехеразада, дочь, — и изумрудные виноградники, и животные. Автор всюду слышит лишь костяную поступь смерти.

Конечно, никто не отрицает, что в Крыму был голод — одна из величайшей скорбей новой России. Но приписывать голод злым чарам пляшущей по российским просторам бабы-яги (а для писателя революция — только «баба-яга») может лишь убежденный и непримиримый, одноглазый, до наивности глупый и до глупости злобный реакционер, каким образцово показал себя в своей эпопее Шмелев. Описывая умирающий Крым, писатель просмотрел существенное: то, что умирающий татарин проклинал стоптавших его виноградники воинственного галла и остервенелого, выгнанного из родной усадьбы, дворянина-офицера; то, что прошедшая по Крыму смерть шла под руку с призраком старой, действительно сметенной в черноморские глубины, Россией. «Вода и камни. Огромное окно — море. Синее небо пусто. Окно в безнадежность, синева равнодушной пустоты». Пустотой и безнадежностью — безнадежностью памфлетизированной художественности, художественностью галлюцинаций и воображаемых ужасов проникнута народо-ненавистническая эпопея Шмелева¹².

«Солнцу мертвых» уделяет внимание и Александр Воронский в статье «Вне жизни и вне времени. (Русская зарубежная художественная литература)», опубликованной 15 июля 1925 г. в журнале «Прожектор». Центральной фигурой в этом обзоре является Бунин, а Шмелев в другом разделе статьи объединен с Куприным и Мережковским, причем про Шмелева Воронский пишет больше, чем про Куприна и Мережковского вместе взятых. В своих оценках Воронский ближе к Аксенову, чем к Смирнову. Он согласен с Аксеновым в том, что «по своему неумемному ненавистничеству и беспредельной злостности произведение Шмелева является совершенно исключительным пасквилем на республику советов». И отрицает художественную значимость текста, о которой писал

¹² Смирнов Н. Солнце мертвых: Заметки об эмигрантской литературе // Красная новь. 1924. № 3 (20). Апрель–май. С. 256.

Смирнов. Но при этом «Солнце мертвых» рассматривается с точки зрения не только идеологической, но и художественной, сопоставляется с произведениями советских писателей о голоде и расстрелах и в ряд встраивается не политический, а литературный: «Когда читаешь это противное словоточение, где-то совсем близко маячат Иудушка Головлев и Фома Опискин» (№ 13 (59). С. 21). Отвергая идеологические установки автора, Воронский все же пишет (пусть и уничижительно) о жанре, о стиле:

Произведение Шмелева — не рассказ, не повесть и не роман, а скорее записки, в которых изобразительность явно уступает публицистике. На протяжении страниц наряду с картинами голодания автор взывает, изобличает, рассуждает. Истеричность тона, сладкая словесная сантиментальность с уменьшительными, ласкательными именами и елейность, бессильное ехидство, доходящее до юродства, беспросветность, безнадежность, взывания к господу богу и к «культурным» людям запада, глумление над собой, над народом, над интеллигенцией и, прежде всего, над большевиками, бесконечные умствования — сплетаются в нечто нудно-вязкое и злобно-тупое.

И в финале Воронский от отрицания «этого памфлета, за который жалко писателя», фактически приходит к утверждению значимости текста, «пасквиля», не отражающего объективно происходившее в Крыму, но зато раскрывающего определенный тип «из стана белых»:

Иван Бунин показал нам образ человека в стане белых, дотлевающего в могильной яме. Он ничего не любит, ничего не ждет впереди и знает, что чуждое новое на Руси стоит уже крепко.

Ив. Шмелев показывает другой тип из того же стана: бессильного кликушу, юродивого, дошедшего до иступления в своей ненависти к этому новому (№ 13 (59). С. 22).

Еще один обзор эмигрантской литературы, в котором Шмелеву отводится важная роль, публикуется год спустя, в июне 1926 г., в журнале «Новый мир». Статья Н. Смирнова «На том берегу: Заметки об эмигрантской литературе» построена иначе, чем у Воронского. Тот сразу выбирал наиболее значимые имена, Смирнов, напротив, начинает с литературно-эмигрантской молодежи, выделяя Вл. Пиотровского. Затем следуют К.Д. Бальмонт, В.Ф. Ходасевич, М.И. Цветаева, З.Н. Гиппиус, упоминаются Глеб

Струве, Вл. Сирин и Нина Берберова, о которых «лучше промолчать» (С. 142). Из прозы достаточно подробно анализируются «Суд» А.И. Куприна и «Николай Переслегин» Ф. Степуна, «Золотой узор» и «Преподобный Сергей Радонежский» Б.К. Зайцева, называется «Тайна» С.Р. Минцлова (который, правда, по недосмотру именуется «Минуловым»).

Но в итоге, как и у Воронского, Шмелев в выстраиваемой «иерархии» русской зарубежной литературы стоит совсем рядом с И.А. Буниным, которого выделяют оба советских критика. Смирнов движется «по нарастающей». Разделом о Бунине — пятым — статья завершается. А Шмелева, «одного из даровитых эмигрантских писателей», критик решает «отметить» «вслед за Зайцевым»: в четвертом разделе помимо Шмелева есть только небольшая характеристика стоящего в эмигрантской литературе «несколько в стороне» М.А. Алданова и перечисление «прочих русских писателей, пребывающих в эмиграции (Немирович-Данченко, Амфитеатров, Арцыбашев, Чириков, Лазаревский и др.)», «не подающих никаких признаков жизни за исключением редкой публицистической воркотни» (С. 147).

«Солнце мертвых» теперь уже не единственное опубликованное в эмиграции произведение Шмелева, которое включается в анализ. Более того, Смирнов предпочитает вообще не останавливаться на шмелевской эпопее, определяя ее лишь как точку отсчета: «Писатель в последних своих повестях, начиная с “Солнца мертвых”, безвозвратно растерял дары подлинного художника: чувство меры, чуткость, спокойствие, жизненность и силу слова. Все его произведения есть нечленораздельное завывание кликуши или, в лучшем случае, язвительный шепоток желчного, мелкого обывателя» (С. 146).

Подробнее рассказывается в статье о повести «На пеньках», очерке «Сидя на берегу» и рассказе «Новый год», так что советский читатель действительно получает представление о творческой «эволюции» Шмелева, которая воспринимается как идеологически неприемлемая. «Рабство, возведенное в достоинство», и «лакей как положительный литературный тип» противопоставляются Смирновым «Человеку из ресторана», саркастически названному «юношеским заблуждением» (С. 147).

О достоинствах прозы Шмелева речь вообще не идет. «Столица и деревня эпохи 1920-х годов изображены им с глубочайшей ненавистью и клеветой, совершенно недостойной писателя. Она более уместна на устах какой-нибудь старой замоскворецкой сводни. Ли-

ричность повести — а в повести очень много лиризма — производит отвратное впечатление, ибо она только ярче оттеняет всю мелочность, ограниченность, скудоумие и отсутствие элементарно-человеческого достоинства этого профессора с мировым именем. Он, в изображении Шмелева, вызывает не жалость, а брезгливость», — пишет Смирнов о «На пеньках» (С. 146).

Негативные отзывы в центральной прессе не означали вычеркивания имени Шмелева из истории литературы и — более того — из современного литературного процесса. Он по-прежнему воспринимается в СССР как один из наиболее значительных русских писателей, а потому в советской публицистике его эмигрантское творчество приводят как яркий пример «упадка» тех, кто покинул родину и выступил против советской власти.

4 июля 1926 г. «Правда» печатает на первой странице фельетон Михаила Кольцова «Человеки из ресторана». Шмелев в фельетоне упоминается лишь вскользь, но именно название его произведения трансформируется в заглавии:

Вся литература эмиграции посвящена трактирному быту. Недаром во главе белых литераторов стоит Шмелев, автор «Человека из ресторана».

Все заботы эмиграции — вокруг ресторана. И все события связаны с ним. И даже иностранцы имеют суждение о белой России только по кабацкой литературе¹³.

Для знающих литературу эмиграции очевидно, что она не посвящена вся трактирному быту и что Шмелев «во главе белых литераторов» не стоит, а знающим шмелевское творчество понятно, что «Человек из ресторана» не заслуживает определения «кабацкая литература». Но фильм Протазанова, актуализирующий антибуржуазный пафос повести и приносящий его на службу советской власти, появится только год спустя, а потому Кольцов может исходить из того, что название аудитории известнее, чем содержание.

В июле 1926 г. о Шмелеве вновь вспоминает и «Красная новь». В статье Д. Горбова «Мертвая красота и живучее безобразие» (1926. № 7. С. 234–245) рецензируются три номера парижского журнала «Современные записки» (1925–1926, № 25–27). Горбов пишет не только о Шмелеве, но и о других писателях русского зарубежья: оцен-

¹³ Мих. К. [Кольцов М.] «Человеки из ресторана» // Правда. 1926. 4 июля. № 151. С. 1.

ка произведений и авторов определяется заданным идеологическим контекстом. Однако среди прочих всё же выделяется И.А. Бунин, который «один ставит себе подобающую ему, как художнику, задачу: раскрыть внутреннюю жизнь среды, наиболее ему родственной, в эпоху, напитавшую корни его художественного творчества».

Поскольку Бунин один «осуществляет» «начало подлинного искусства, свободного от внехудожественных пристрастий, мелкой злобы, личной заинтересованности» (С. 235), остальные — Мережковский, Алданов, Зайцев, Цветаева, Ремизов и Шмелев — осуществляют нечто иное, но главным антигероем в статье представлен именно Шмелев: «Дымка мертвой красоты тает и испаряется. Мы с головой погружаемся в омут живучего безобразия. Первое место здесь, несомненно, принадлежит Шмелеву» (С. 241).

Вывод этот делается на основе повестей «На пеньках», «Каменный век» и рассказа «Въезд в Париж». Не фокусируясь на конкретных претензиях критика к каждому из произведений, обратим внимание на главное: Горбов резко противопоставляет Шмелева до отъезда из России (уклончиво названного «прежним») и Шмелева эмигрантского, не перенося ни достоинств первого на второго, ни недостатков второго на первого: «Когда-то Шмелев был в первых рядах лучших наших беллетристов. Его “Человек из ресторана”, “Неупиваемая Чаша” — произведения художественного и честного реализма. На какой же отравленной почве взрастил писатель свою повесть “На пеньках” — эту кошмарную смесь ханжества, лицемерного умиления и лютого человеконенавистничества?».

Схожие или те же слова используются и для характеристики других произведений:

Несмотря на целый ряд ярких деталей (описание горной природы, образы татар-бандитов, образы и быт чабанов) повесть проникнута внутренней фальшью, ослабляющей ее убедительность даже в желательном для автора направлении. В результате — мрачный, человеконенавистнический, мертвенный колорит, которого не могут скрыть щедро положенные яркие краски. И тут перед нами опять пестро-разряженный, но ядовитый мухомор, взращенный крупным художником на тучной почве ненависти и слепого озлобления, которые всегда были дурными советчиками для художника.

Последний рассказ (точнее, очерк) Шмелева «Въезд в Париж» совершенно незначителен художественно, но характерен тем разлагающим влиянием, которое оказывает предвзятая идея даже на крупного художника (С. 244).

Творчество Шмелева словно рассекается на две части не только идеологически, но и с точки зрения художественной, чего, отметим, не происходит ни с кем из других писателей-эмигрантов, о которых говорится в статье. Исходной ее посылкой, напротив, являются литературные достоинства обманчивой мертвой красоты:

Здесь тоже есть «все, что полагается»: только в трех лежащих перед нами книжках (точнее, томах, так как в каждой от 550 до 600 страниц, из которых половина приблизительно отведена художественной литературе и критике) собран цвет дооктябрьской литературы в России: Бунин, Ремизов, Б. Зайцев, Шмелев, Мережковский, Гиппиус.

Надо заранее сказать, что многое здесь не уступает лучшему, что давали некоторые перечисленные художники в пору своего расцвета и в более благоприятной для творчества обстановке, чем та, в которой они пишут теперь. Но подлинная красота, имеющаяся на этих страницах, очень похожа на мертвую красавицу Бунина; она производит тем более сильное впечатление, что принадлежит миру, навсегда исчезнувшему: многое в ней на наших глазах «каменеет, блекнет» и красота делает мертвое еще страшней.

Правда, красота сочетается с безобразием, что и дало название статье, но всё же именно она связывает эмигрантское творчество «цвета дооктябрьской литературы» с прежним: «Однако даже поверхностное обозрение материала уводит нас далеко в сторону от красоты, хотя бы и мертвой. Сплетня, клевета и донос, процветающие в журнале (и, как увидим, далеко не у одних второстепенных писателей), блудословие, играющее в психологизм и лирику, — все это вещи, трудно соединимые с понятием красоты. Напротив, все эти явления скорее подходят под рубрику безобразия, причем здесь оно отнюдь не мертвое, а очень даже живучее» (С. 234). И всё же, отвергая созданное Шмелевым в эмиграции, Горбов дважды в двух соседних предложениях называет его «крупным художником». Подобных прямых оценок в адрес конкретных писателей в статье почти нет: лишь Бунин — «художник первой величины» (С. 239), да Цветаева — «неплохая поэтесса» (С. 244).

А вот в статье Г. Горбачева «Реалистическая проза 1910-х годов и творчество Ив. Шмелева» значение и масштаб дарования писателя, напротив, оцениваются не слишком высоко, что вызывает некоторое недоумение, поскольку опубликована она в качестве предисловия к сборнику Шмелева 1927 г. «Забавное приключение:

Рассказы». Можно было бы предположить, что Горбачев просто стремится оправдать издание сборника, цель которого привлечь внимание не к творчеству писателя-эмигранта, а к особенностям предреволюционной реалистической литературы, но среди авторов более совершенных и значительных произведений он называет других эмигрантов — Бунина, Куприна, Зайцева.

Шмелев представляется в статье «одним из характернейших представителей реалистической прозы» (С. III), «весьма типичным прозаиком» (С. VII), которому «далеко до классической четкости и ясности бунинских описаний, до проникновенного, заражающего своим настроением лиризма Б. Зайцева, до полугротескной выпуклости чудовищных фигур Толстого и Замятина» (С. XI). «Широких обобщающих типов большой значимости» Шмелев за редкими исключениями, как считает Горбачев, не дает, демократизм у него «своеобразный» и «очень условный», «социальное мировоззрение и политические симпатии <...> отличаются крайней расплывчатостью», «общий смысл бытописательства» неопределенен, «нет четко поставленных общих проблем», но всё же он порою «достигает почти равенства с каждым из этих писателей: лирика и пейзаж “Под небом” и “Волчьего переката” достойны Зайцева; неторопливая, спокойная четкость “Пугливой тишины”, “Леса” равна бунинским; соперничал в свое время с “Уездным” Замятина сказ “Человека из ресторана”, могли быть написанными Чеховым “Лихорадка” и “Поденка”, Горьким — “Распад”».

Ну и, наконец, в «незабываемый “железный” фонд» русской литературы, по мнению Горбачева, вошли «Человек из ресторана» и «Гражданин Уклеikin», достойны этого — «Росстани» и «Забавное приключение» (С. XI–XII). С точки зрения явного выделения «Человека из ресторана» и «Гражданина Уклеикина» статья Горбачева и вызывает в контексте нашей статьи наибольший интерес. Горбачев выстраивает «иерархию» шмелевских произведений, которая постепенно станет базовой в СССР. При этом он ссылается и на широкие читательские круги, которым Шмелев «известен преимущественно как автор больших повестей — “Человек из ресторана” и “Гражданин Уклеikin”, заслонивших 8 томов сочинений Шмелева, изданных книгоиздательством писателей в Москве, в которых упомянутые повести занимают лишь восьмую часть и в которые не вошли некоторые дореволюционные рассказы, все детские рассказы, “Неупиваемая Чаша”, “Это было”, появившиеся после революции, и произведения, написанные Шмелевым в эмиграции, после 1922 г.» (С. XIV).

Первое упоминание эмиграции в статье, как мы видим, противопоставления в себе не содержит: эмигрантское творчество Шмелева предстает просто как очередной его этап. Но в заключительном абзаце Горбачев возвращается к эмиграции: «Как и многие писатели-интеллигенты, связанные со стабилизационной эпохой 10-х гг., Шмелев не принял Октябрьскую революцию. Он эмигрировал и пишет теперь антихудожественные в своей тенденциозности обличительные повести о “большевистских зверствах” (“На пеньках”). Но произведения Шмелева эпохи его расцвета любопытны и как этап нашего литературного развития, и как отражения ушедшего быта и психологии» (С. XV).

Финал вступительной статьи строится как раз на противопоставлении эмигрантского и «прежнего», если использовать формулировку Горбова, творчества, причем Шмелев как современный эмигрантский писатель отвергается, а его «прежние» произведения, ставшие уже частью истории литературы, заслуживают внимания, прочтения и переиздания.

Эта модель отношения к писателям, выбравшим эмиграцию, но до революции не принадлежавшим к консервативному лагерю, отразилась и в рецензиях на сам сборник 1927 г. «Забавное приключение: Рассказы». «Шмелев — один из самых видных и талантливых бытописателей-реалистов предреволюционных лет. Он владеет даром писать увлекательно. Язык его произведений сочный, густой, живо передающий быт, среду и людей, которых писатель описывает. Его симпатии на стороне угнетенных, униженных (вспомним его крупнейшие вещи: “Человек из ресторана” и “Гражданин Уклейкин”), и произведения проникнуты большой любовью к маленьким людям, — отмечал Л. Дашков в журнале “Книга и профсоюзы”. — По языку и манере рассказы Шмелева доступны самому широкому читателю. ГИЗ имел основания издать книгу избранных вещей этого писателя, несмотря на то, что писатель находится в стане белой эмиграции» (1927. № 5. С. 48).

А 22 июля 1927 г. о книге Шмелева написала «Правда». Раздел «Библиография» открывался отзывом М. Ольминского о брошюре «История “Правды” в датах и числах. 1912–1927», а завершался рецензией на «Забавное приключение». Без идеологии в «Правде», конечно, не обходится, но упрекают Шмелева в том, что «никаких социальных бурь его творчество не знает» и что хотя «в словах лесника и солдата звучат грозные нотки классовой ненависти», «не чувство классовой ненависти, а лишь пьяную блажь разглядел здесь Шмелев»: «Вот почему получилось только “Забавное приключение”» (№ 114. С. 5).

Хотя с подобной «внеклассовой» интерпретацией конфликта можно и поспорить, важнее иное — из рецензии вообще нельзя понять, что писатель является противником советской власти и живет в эмиграции. Точно такой же текст мог быть написан и о сборнике дореволюционных произведений кого-то из живущих в СССР.

Период «ограниченного» приятия Шмелева, как и в случае с другими писателями-эмигрантами, завершается в 1928 г. Запрет на публикацию любых их произведений, в том числе и написанных до отъезда из России, приводит к тому, что в 1930-е гг. имя Шмелева практически исчезает из литературно-критического поля. Но оно продолжает упоминаться постольку, поскольку литература и писатели остаются важными фигурами в общественно-политическом противостоянии СССР и эмиграции. Показательна с этой точки зрения статья в «Литературной газете» 15 мая 1931 г., рассказывающая о приезде в Москву Максима Горького. Горький в ней сразу противопоставляется, причем его же устами, Шмелеву и Бунину: «Творчество писателей-эмигрантов, — рассказывает Алексей Максимович, — находится сейчас на очень низком уровне. Шмелев и Бунин сошли на нет, стали писать совсем плохо».

А 14 февраля 1932 г. в «Правде» в статье «Литература “парижского” уезда» В. Волин пересказывает обзор Марка Слонима в пражском журнале «Воля России»: «Бунин, Зайцев, Куприн, Шмелев, Чириков пишут о прошлом. Они, — рассказывает Марк Слоним, — в эмиграции как бы “доживают” свой литературный век. Любопытно, что не только тематически, но и формально их произведения связаны с прошлым».

Внутренние разногласия русского зарубежья позволяют советским публицистам использовать критические высказывания одних эмигрантов (в данном случае — Слонима) в адрес других, но важна не только негативная оценка. «Правда» ведь таким образом и информирует, сообщает читателям, что и в 1930-е гг. Бунин, Зайцев, Куприн, Шмелев, Чириков не исчезли, не оставили литературную деятельность, а продолжают писать в эмиграции. И связь их с прошлым, неприемлемая для Слонима, для Волина и для редакции «Правды», может быть вполне приемлема для какой-то, пусть и небольшой, части газетной аудитории.

Спустя несколько месяцев о Шмелеве вспоминает «Литературная газета». 29 июля 1932 г. один из видных американских коммуни-

стов Окли Джонсон в статье «“Чистая пропаганда” белогвардейцев и “чистое искусство” советских писателей» пишет:

В предисловии к «Неупиваемой Чаше» И. Шмелев, который является одним из врагов коммунистического режима, говорит о своем произведении: «Я писал эту поэму, — я позволю себе так назвать мою книгу, — в очень трудное для меня время, а именно летом 1918 года, когда я покинул Москву, — не мою старую родную Москву, а Москву, плененную злыми силами!». Все это сказано совершенно просто, точно автор не ожидает, что кто-нибудь станет возражать против подобной характеристики Советского Союза. Роман сам по себе — весьма сентиментальная повесть из дореволюционной России — не содержит непосредственно пропаганды, если не считать установки, данной в предисловии. Но автор, без сомнения, пропагандист. Невольно возникает вопрос: как он стал бы трактовать тему современной России?

Отметим, что именно Шмелев упоминается в статье первым из «белых писателей», а за ним следуют И. Наживин, М. Осоргин и роман «Мы» недавно уехавшего Е. Замятина (№ 34. С. 3).

Все упоминания Шмелева в советской прессе здесь нет возможности перечислить, но выделим еще два, в которых Шмелев предстает не только враждебным советской власти эмигрантом, но и «прославленным писателем», даже «классиком», знакомство с произведениями которого необходимо и советскому читателю.

18 января 1938 г. В. Ильенков в «Правде» в статье «Серафимович: к 70-летию» пишет: «Конец 1917 года. На Большой Дмитровке — собрание литераторов и художников “Среды”. Здесь — прославленные писатели: Бунин, Чириков, Шмелев, Зайцев, виднейшие художники и артисты; много гостей — врачи, какие-то пышно разодетые дамы. “Среда” из небольшой группы литераторов превращалась в прибежище для всех, кто бешено ненавидел Великую Октябрьскую революцию» (С. 4). А 15 июня 1939 г. в номере «Литературной газеты» среди материалов к третьей годовщине смерти Горького печатается список произведений, составленный им в 1928 г. в ответ на записку Н.К. Крупской о пятилетнем перспективном плане издания классиков, в котором отмечено: «Гаршин, Степняк, Левитов, Шмелев, Мопассан, Шоу, Бьернсон показаны в списке изданными»¹⁴.

¹⁴ Горький М. По поводу замечаний Н.К. Крупской // Литературная газета. 1939. 15 июня. № 33. С. 1.

Исследовательская рецепция Шмелева в 1920–1930 гг. формировалась изначально именно на основе литературно-критических выступлений, но не советского времени, а еще дореволюционных. Впрочем, это касается не только Шмелева. Как я показывал ранее, советская научная традиция изучения литературы конца XIX – начала XX вв. генетически была связана с книгой В. Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература», выдержавшей в 1920-е гг. несколько изданий (см.: [5]). Книга дорабатывалась и дополнялась, но изначально составлялась она Львовым-Рогачевским на основе его публиковавшихся до революции журнальных литературно-критических статей.

На рубеже 1922–1923 гг., когда появилось цитируемое далее издание «Новейшей русской литературы» (на титуле значится 1922 г., а на обложке уже 1923 г.), никаких идеологических препятствий для включения в него Шмелева еще не было, хотя посвященная ему отдельная глава и завершалась словами: «В 1922 году Иван Шмелев уехал за границу» [2, с. 221]. Перед этим Львов-Рогачевский, кстати, упоминает «тяжелое личное горе», которое потрясло художника в годы революции, о чем затем в СССР долгое время вспоминать не будут.

До революции Львов-Рогачевский опубликовал в журнале «Современный мир» ряд рецензий на книги Шмелева или сборники с его участием¹⁵, а в основу главы, которая называется «Иван Шмелев <с неправильным указанием года рождения в скобках — 1875>. — Духовный сын 1905 года» [2, с. 213–221], лег переработанный очерк «Художник обездоленных» (Современный мир. 1912. № 11. С. 308–321). Однако в 1912 г. Львов-Рогачевский, хотя и писал о том, что Шмелева «захватил» бурный 1905 год, и о «внутренней перемене» в нем, которую этот год завершил, но всё же от 1905 года не отталкивался. А в книге 1905 год вынесен в подзаголовок, о нем говорится в первом же абзаце, а во втором, состоящем всего из одного короткого предложения, прямо и категорично утверждается: «Революция 1905 года родила и выдвинула этого писателя» [2, с. 213]. И поставленная в центр краткого очерка жизни и творчества связь Шмелева с революционными событиями показательна — она и в дальнейшем постоянно выделялась исследователями.

¹⁵ Современный мир. 1911. № 10. С. 334–335; Современный мир. 1912. № 3. С. 327–329; и др.

Из ранних произведений Шмелева Львов-Рогачевский упоминает не только «На скалах Валаама», но и дебютный рассказ «На мельнице», напечатанный в «Русском обозрении», и публиковавшийся в журнале «Детское чтение» рассказы для детей — «Догоним солнце», «Служители правды», «О светлых страницах детства», «В новую жизнь». И всё же он представляет Шмелева как одного из тех писателей, что «в 1905 году родились для новой жизни, почувствовали себя частью разбушевавшейся стихии и оторвались от будней обывательщины»: «К таким художникам принадлежит талантливый, темпераментный, глубоко искренний художник И.С. Шмелев. Этот коренной москвич явился выразителем настроений городской демократии, захваченной в водоворот 1905 года» [2, с. 213].

Поскольку, как уже сказано, книга готовилась, когда Шмелев еще не заявил о своей позиции эмигранта, мы здесь отметим только ключевые положения, важные для понимания дальнейшего развития советского шмелеведоведения. Это связь с Горьким и «Знанием», «новизна быта» и типа в «Человеке из ресторана», внутренняя перемена героев, временное перерождение «Гражданина Уклейкина», повесть «Распад» и «привязанность к предкам, похожим на Стеньку Разина и Пугачева, и людям мятежным, цельным и сильным», что «не мешало художнику радостно приветствовать грядущее и ту бурю нового, которая все сметает» [2, с. 217], мечта городского жителя о «тихом небе», отразившаяся в рассказах «Под небом», «Под горами», «Пугливая тишина», «На том берегу», «Стена», своеобразие романтика, который в героях своих видит почти в каждом по «два существа: мечтателя-романтика и обывателя, отравленного суетой», любит легенду и сказку и чья легенда, сказка, и «мечта о новой жизни и новых людях просвечивают сквозь грубо-реалистическую, подчеркнуто-некрасивую оболочку», [2, с. 219], демократизм в годы войны, «прекрасные живые очерки» «Суровые дни», в которых «было возмущение» и «жило предчувствие», нарастающее возмущение народа в «Забавном приключении» и пессимизм произведений 1922 г.

Показательны здесь не только интерпретация, но и круг названных произведений: кроме уже перечисленных упомянуты рассказы «Патока», «Нора» и «Иван Кузьмич». Он достаточно широк и фиксирует целый ряд текстов, которые и в дальнейшем в исследованиях и учебных пособиях будут приводиться в качестве ключевых для понимания творчества Шмелева. Хотя частично список, естественно, будет варьироваться, в том числе и за счет появления произведений, созданных после отъезда Шмелева из России.

Концептуальные изменения в отношении к Шмелеву, обусловленные его эмиграцией, новую оценку его места в русской литературе во второй половине 1920-х гг. мы можем зафиксировать в «Очерках истории новейшей русской литературы» В. Евгеньева-Максимова. В четвертом издании, вышедшем в Государственном издательстве в 1927 г., в разделе, посвященном 1890-м гг. и началу 1900-х, Шмелев лишь упоминается в качестве одного из авторов «Знания». «Персональные» главы здесь посвящены В. Вересаеву, Горькому, А. Куприну, Ф. Сологубу, К. Бальмонту и В. Брюсову. Нет Шмелева «персонально» и в разделе о предоктябрьском периоде 1905–1917 гг. (здесь выделены Л. Андреев и пара А. Блок и А. Белый). Однако в этом разделе о Шмелеве написано, как об одном из наиболее ярких писателей, связанных с «возрождением реалистической традиции» в годы, предшествующие первой мировой войне [1, с. 148]. Евгеньев-Максимов выделяет демократические, «иногда даже полусоциалистические тенденции» в «Человеке из ресторана», «Распаде», «Гражданине Уклейкине».

Зато в разделе «Послеоктябрьский период» есть специальная глава, которая названа «Писатели-зарубежники — И. Бунин, Б. Зайцев, Д. Мережковский, И. Шмелев и др.». Под «и др.» скрываются Алданов, Куприн, Чириков, Юшкевич, Савинков, так что само упоминание Шмелева в названии уже является значимым, равно как и посвященный ему объем текста. Из четырех страниц, которые занимает глава, Шмелеву отведена почти целая страница.

Он противопоставлен Бунину, Зайцеву, Мережковскому и Алданову как один из тех эмигрантских писателей, что «видят свою главную задачу» в откликах на современную действительность [1, с. 257]. Шмелев представлен как «писатель большого художественного дарования, о котором нам уже приходилось упоминать, как об авторе в прекрасной реалистической манере написанных, проникнутых демократическими настроениями повестей “Человек из ресторана” и “Господин Уклейкин”». Обратим здесь внимание, во-первых, на искаженное название «Гражданина Уклейкина» — вероятно, именно из Евгеньева-Максимова оно затем переместится в подготовленный ИРЛИ РАН четвертый том «Истории русской литературы» (1983), к которому мы обратимся в продолжении этой статьи, когда перейдем к послевоенному периоду. И, во-вторых, — на повторяющийся акцент на демократизме Шмелева.

Переходя к пореволюционному творчеству Шмелева, Евгеньев-Максимов называет «Неупиваемую Чашу», «Солнце мертвых» и «На пеньках», причем в характеристике «Солнца мертвых» он

опирается на оценки Смирнова, а «На пеньках» оценивает в соответствии с Горбовым:

В начале революции, до своей эмиграции, Шмелев написал превосходную повесть из времен крепостного права «Неупиваемая Чаша». Эмигрировав, он в ряде произведений из эпохи революции и гражданской войны изобразил революционную современность в духе исключительно враждебного к ней отношения. Так, в большой повести — эпопее «Солнце мертвых» он говорит о голодных днях, пережитых Крымом. «В смысле чисто художественном эпопея особенно в местах внутренне объективных написана хорошо», но в целом это — вещь, «пылающая мстительнейшей злобой» (Смирнов), направленной против революции [1, с. 257].

В 1927 г., как уже было отмечено, писателей-эмигрантов еще печатали в СССР, поэтому особый интерес представляют исследования, появившиеся позже. И прежде всего книга Б.В. Михайловского «Русская литература XX века с девяностых годов XIX века до 1917 г.». Она вышла в 1939 г. в Государственном учебно-педагогическом издательстве Наркомпроса РСФСР в Москве, была рекомендована для студентов, т.е. по сути являлась учебником, так что позицию Михайловского можно считать «верифицированной» советской властью.

Замечательно это учебное пособие не только уровнем осмысления литературного процесса, но и тем, что в нем представлены как оставшиеся после революции в СССР писатели, так и вернувшиеся из эмиграции, и последовательные эмигранты, причем главы о творчестве Куприна и Бунина предшествуют главам о Горьком и Серафимовиче. Сразу отметим, что специальной главы о Шмелеве нет — из остающихся в эмиграции отдельно вынесен только Бунин, но упоминается как яркая и значимая фигура литературного процесса Шмелев не раз.

Уже в первом абзаце первой аналитической главы на с. 22 назван в числе представителей реалистического направления (с оговоркой — после 1905 г.), а на с. 25 упоминается (с названием произведений в сноске) в перечислениях в числе писателей, которые критиковали «застойность, отсталость, бескультурье русской провинции, обличали обывательщину, затягивающую в свое болото интеллигенцию».

Затем Михайловский дает характеристику повести «Распад», «рисующей конец патриархального торгового мира», и рассказа

«Иван Кузьмич», в котором Шмелев «отождествляет правду совершающейся революции 1905 г. с правдой купца старого закала» [3, с. 29], пишет, что в «рассказах Шмелева о деревне проявляется идеализация деревни», а потому они, в отличие от произведения Бунина, «лишены познавательной ценности, фальшивы». В сноске здесь указываются «Росстани» и «Миرون и Даша» [3, с. 30].

Абзац на с. 33 посвящен «Человеку из ресторана», и там же в сноске приводятся «Распад» и «Стена» как пример того, как «отсталые слои пролетариата» попадают в поле зрения прогрессивно-демократической литературы. Отмечая, что «конфликты рабочих с хозяевами у натуралистов не получили резкой выраженности. У Шмелева эти противоречия оказываются легко устранимыми», Михайловский приводит в пример «Распад». На с. 34–35 он пишет, что бывший революционер в рассказе Шмелева «Поденка» «примиряется с мещанством», на с. 37 — что «бедные, страдающие, придавленные, подчас опустившиеся на “дно” люди целой вереницей проходят в произведениях Телешова, Шмелева, Чирикова, Айзмана и др.». Цитаты можно приводить и дальше, но приведенных примеров достаточно, чтобы показать, что Шмелев рассматривается как значимая фигура литературного процесса, а многогранность его творчества демонстрируется и за счет количества упомянутых Михайловским произведений Шмелева: их значительно больше, чем в позднейших учебниках.

Михайловский анализирует не только тематику и пафос, но и принципы художественного отражения, характерные для Шмелева: «Для Шмелева, например, характерно, что он становится на точку зрения персонажей, лишь смутно чувствующих социальные противоречия: отношения хозяина к рабочим воспринимаются глазами детей в “Распаде”, события 1905 г. даны через восприятие старозаветного купца в “Иване Кузьмиче” или через восприятие “маленького человека” в “Гражданине Уклейкине»» [3, с. 44].

Как и у Львова-Рогачевского, особо выделяется связь творчества писателя с первой русской революцией. В главе «Литература критического реализма в период революционного подъема» Михайловский пишет, что «из произведений, посвященных 1905 году, художественным мастерством отличается “Гражданин Уклейкин” Шмелева» [3, с. 188]. А вот оценки произведений периода Первой мировой войны у Михайловского уже иные. В главе «Литература военных лет» он зачисляет Шмелева в ряды тех, чьи произведения проникнуты «квасным ура-патриотизмом»: «Из писателей-натуралистов сугубо фальсифицированное освещение войны и крестьянского отношения

к войне дал Шмелев. Война в изображении Шмелева не страшна: в армии царит довольство, крестьяне вполне понимают и одобряют цели войны, охотно идут на нее, охвачены энтузиазмом» [3, с. 411, 413–414]. Ссылается при этом Михайловский на сборник «Суровые дни», цитирует рассказы «Под избой» и «Мирон и Даша», причем первый из них не называется.

При этом чуть позже Михайловский отмечает у Шмелева в некоторых рассказах и «ноты осуждения “тыла”, обывателей, у которых жизнь течет по-прежнему, буржуа, которые жиреют от военных поставок». В качестве примера приводятся «Забавное приключение» и «Лик скрытый» [3, с. 416].

Подчеркнем, что отбор произведений у Михайловского определяется не только исследовательскими установками, но и учебно-методическими целями книги. При этом в качестве «положительных примеров» приводятся только те произведения, что переиздавались в 1920-е гг. в СССР по новой орфографии: не раз выходявшие «Распад», «Человек из ресторана», «Гражданин Уклекин» и «Забавное приключение», «Поденка» из сборника «Забавное приключение: Рассказы» (1927), «Стена» из сборника «Стена» (1928), «Иван Кузьмич», перепечатанный в сборнике «1905 год в русской литературе», а в качестве «отрицательных» — произведения, для чтения которых надо обращаться к дореволюционным изданиям.

Таким образом, отъезд Шмелева из России в конце 1922 г. и публикация вскоре во Франции эпопеи «Солнце мертвых», после которой в СССР его зачислили в ряды белогвардейцев, монархистов и «злых реакционеров», не препятствовали изданию в СССР на протяжении 1920-х гг. его дореволюционных произведений и изучению его творчества в вузах в 1930-е. А созданные в эмиграции произведения писателя, хотя и не переиздавались в Советском Союзе, все же оценивались и анализировались и в публицистике, и в литературной критике, и в очерках истории русской литературы. Заложенные в 1920–1930-х гг. тенденции во многом определили подход к изданию, анализу и интерпретации произведений Шмелева на протяжении значительной части послевоенного периода, к которому мы обратимся в продолжении этой статьи.

Литература

1. *Евгеньев-Максимов В.* Очерки истории новейшей русской литературы. 4-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 336 с.
2. *Львов-Рогачевский В.* Новейшая русская литература. М.: Изд. Всероссийского Центрального союза потребительских обществ, 1922 [на обложке 1923]. 324 + IV с.
3. *Михайловский Б.В.* Русская литература XX века с девяностых годов XIX века до 1917 г. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. 420 с.
4. *Николаев Д.Д.* Комментарии // Публицистика И.А. Бунина (1918–1952 годов). М.: Наследие, 1998. С. 535–581.
5. *Николаев Д.Д.* Творчество И.С. Шмелева в русской критике 1920-х гг. // Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С.368–380.
6. *Осьминина Е.А.* Проблемы творческой эволюции И.С. Шмелева: дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 166 с.
7. *Шещунова С.В.* Иван Шмелев как революционный агитатор (по поводу одной инсценировки) // Трансформации русской классики. URL: <http://transformations.russian-literature.com/ivan-shmelev-kak-revoljucionnyj-agitator> (дата обращения: 04.02.2024).

Research Article

Shmelev in the USSR. (Chapter One: Editions and Reception in Pre-War Period)

© 2024. Dmitry D. Nikolaev

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article examines the literary-critical and journalistic reception of I.S. Shmelev's works in the USSR, along with the history of publication and interpretation of his works in the pre-war period. The subject of the analysis is the corpus of articles, essays, and reviews published in the newspapers "Pravda," "Izvestiia," "Literaturnaia Gazeta," the journals "Pechat' i Revoliutsiia," "Krasnaia Nov," "Prozhektor," "Biulleten' Knigi," etc., collections of works by Shmelev, abstracts dedicated to him in the "Histories of Russian Literature" by V.L. Lvov-Rogachevsky, V.E. Evgeniev-Maksimov, B.V. Mikhailovsky, and others mentions of the writer's name in the central Soviet press. Shmelev actively published until 1929, despite the writer's anti-Soviet position in emigration. The negative reviews that began to appear in the USSR after the publication of the "Solntse Mertvykh" did not delete Shmelev's name from the history of literature and the modern literary process. He was still considered one of the most significant Russian writers and even included in the study program of universities.

Keywords: I.S. Shmelev, reception, literary criticism, journalism, B.V. Mikhailovsky, V.L. Lvov-Rogachevsky.

Information about the author: Dmitry D. Nikolaev, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>

E-mail: ddnikolaev@mail.ru

For citation: Nikolaev, D.D. “Shmelev in the USSR. (Chapter One: Editions and Reception in Pre-War Period).” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (32), 2024, pp. 263–291. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-32-263-291>

References

1. Evgen'ev-Maksimov, V. *Ocherki istorii noveishei russkoi literatury* [*Essays on the History of Modern Russian Literature*]. 4th ed. Moscow. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1927. 336 p. (In Russ.)
2. L'vov-Rogachevskii, V. *Noveishaia russkaia literatura* [*The Modern Russian Literature*]. Moscow, Izdanie Vserossiiskogo Tsentral'nogo Soiuza Potrebitel'skikh Obshchestv Publ., 1922 [1923 on cover]. 324 + IV p. (In Russ.)
3. Mikhailovskii, B.V. *Russkaia literatura XX veka s devianostykh godov XIX veka do 1917 g.* [*Russian Literature of the 20th Century from the 90s of the 19th Century to 1917*]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narkomprosa RSFSR Publ., 1939. 420 p. (In Russ.)
4. Nikolaev, D.D. “Kommentarii” [“Comments”]. *Publitsistika I.A. Bunina (1918–1952 godov)* [*I.A. Bunin's Journalism (1918–1952)*]. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 535–581. (In Russ.)
5. Nikolaev, D.D. “Tvorchestvo I.S. Shmeleva v russkoi kritike 1920-kh gg.” [“I.S. Shmelev's Works in Russian Criticism of the 1920s”]. *Nasledie I.S. Shmeleva: problemy izuchenii i izdaniia* [*I.S. Shmelev's Heritage: Problems of Study and Publication*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2007, pp. 368–380. (In Russ.)
6. Os'minina, E.A. *Problemy tvorcheskoi evoliutsii I.S. Shmeleva* [*Problems of I.S. Shmelev's Creative Evolution: PhD Dissertation*]. Moscow, 1993. 166 p. (In Russ.)
7. Sheshunova, S.V. “Ivan Shmelev kak revoliutsionnyi agitator” [“Ivan Shmelev as a Revolutionary Agitator”]. [*Transformations of Russian Classics*]. Available at: <http://transformations.russian-literature.com/ivan-shmelev-kak-revoljucionnyj-agitator> (Accessed 04 February 2024). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.03.2024
Одобрена после рецензирования: 28.04.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 04.03.2024
Approved after reviewing: 28.04.2024
Date of publication: 25.06.2024